

ARCHIVE

Игорь Левичев
Концепт «Amori et Dolori» в сонете
М. Волошина «Грот нимф»

Сонет «Грот нимф» принадлежит к числу одних из самых интересных и мистических произведений М. Волошина раннего периода творчества. Он был написан в Коктебеле весной 1907 года и включен позднее в цикл «Звезда Полюнь» первого сборника стихов М. Волошина, вышедшего в 1910 году [2, с. 76], посвятив сонет поэту Сергею Соловьеву.

Интересно отметить, что Сергей Соловьев, по-видимому, знал это произведение Волошина еще до первой его публикации в 1910 году, поскольку в первом поэтическом сборнике Соловьева «Цветы и ладан», вышедшем в 1907 году, в сонете, посвященном «Максу Волошину», имеются следующие многозначительные строчки:

Ты оживил напевы козлоногих
И спящих нимф, в тени, без покрывал [8, с. 74].

Период работы над сонетом был очень сложным в психологическом отношении временем в жизни поэта. После известных событий на «Башне» Вяч. Иванова и краха «любовного четырехугольника»: Вяч. Иванова, Л. Зиновьевой-Аннибал, М. Волошина и М. Сабашниковой в феврале 1907 года, Волошин возвратился в Коктебель, предоставив Маргарите Сабашниковой свободу действий и окончательное решение их совместной судьбы. «Я принял несколько важных жизненных решений, — отметил Волошин в дневнике, — я решил, что

я не должен связывать планов своей жизни с Амориными («Аморя» — М. В. Сабашникова — *И. Л.*) планами. Что все лето я проведу в Коктебеле, а осенью отправлюсь в Париж. Она же поступит так, как ей заблагорассудится, — поедет со мной или останется в России» [1, с. 265].

Приехав в Коктебель в конце марта 1907 года, и тяжело переживая расставание с Сабашниковой, Волошин написал целый ряд сонетов, в числе которых был и «Грот нимф».

Важнейшим документальным источником, повествующим об истории создания сонета, является письмо М. Волошина к А. Р. Минцловой¹ от 10 апреля 1907 года, хранящееся в РО ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) в С.-Петербурге. Отдельные выдержки из этого крайне важного документа были нами впервые опубликованы в ряде научных работ в 1999 и 2003 годах [5; 6], а также оно упоминалось и В. Купченко в «Трудах и днях М. Волошина» в 2002 году [4, с. 180]. Но, в целом, это письмо опубликовано не было. Именно поэтому, в данной работе мы впервые публикуем текст письма Волошина к Минцловой полностью.

«Вторник. 10 апреля 1907 года. Коктебель.

Милая, дорогая Анна Рудольфовна, я получил Ваше письмо от 6-го <апреля> (пятница).

Оно меня волнует и вдохновляет. Я это непременно напишу. Я чувствую это. Но мне надо больше знать. Напишите мне больше, напишите мне, сколько возможно о возникновении физической жизни на разных планетах.

Сатурн — кровь и звук. Солнце — зрение и? Луна — пол и?

Какая сила готовится на Вулкане²?

---

¹ Минцлова А. Р. (1865—1910), переводчица, теософ, видная деятельница международного теософского движения, одна из первых учениц Р. Штайнера. Имела сильное влияние на М. Волошина в 1905—1907 гг.

² Имеются в виду особенности антропософского космогенезиса Р. Штайнера. См. Левичев И. Мистическая муза М. Волошина // Культура народов Причерноморья. № 9. 1999. — Симферополь. — С. 54.

Вторника, 10 Сентября, 1907.

Коптебарь.

Милая, дорогая Анна Рудольфовна, пишу-
юм Вам письмо от 6-го (пятница).

Оно меня волнует и тревожит. Это не-
приятно писать. Я пишу это. Но мне надо
быстрее закончить. Напишите мне быстрее, напиши-
те мне скорее возможно о волнующих вас
и других на странице слайд-шоу.

Сатурн - пробы и звуки. Солнце - орбиты и ?
Луна - ком и ?

А какие силы появились на Земле?
Я все сильно предугадываю, все одинаково ви-
жу. Мне достало уже камня, одного слова
и со временем все сменит собой крайняя форма
развития.

Анна Рудольфовна, приезжайте в Коптебарь
теперь же. Вам надо отдохнуть, побыть
в одиночестве, в тишине, около моря в
горах. Это надо теперь же.

Я не хочу, чтобы вы были в опасности
никуда, от друзей и от природы — Всем свет
милости. Вы не можете уйти несовершен-
но все до конца. Две группы людей: эти

Судейности, но не для Васъ.

Но и Вы не должны безрасчетно жечь от-
пуща, потому что от дракоутиель

Если Вы пригнати в Коштебел телефт
када некое кити из людей, то что даст.
Вам нубовое ожидание и великий
запах сит. Коштебел не унакаивает.
От тревожит, предует, но уютнаде
и уютит. Вох с дуча проходит вренение
горнир травь - ароматиче, горониче и суро-
лече. Нами пахнутъ ошмии нусени-
нмии травими, чтото в запах ошич
травь из сонине.

x.

Диа негде где мне дима днами чаше.
Жемало безкодейств. Благодаря некой
то пошовой путанифт вт мои нисома
адресованне диморт возвращаемо из Ренер-
бурга в Коштебелю от нисома «Вестрале
и Велодост», а сама она в Мелани (Ворнез мн-
гиде, не пошуде отат мене нисеми. А теле-
графирован: Вделаву, но не пошудит от-
лфта. Надвдеи пошовой дени в рудам ел
нисеми, а пошудит свои сабемелени.

Селогреникокоу: а пошудит нисемиотд
нез, рб она нисеми, но не нисемиа сиче ни

Почему мы так часто вспоминаем прошлое? Почему мы так часто вспоминаем прошлое? Почему мы так часто вспоминаем прошлое? Почему мы так часто вспоминаем прошлое?

огромно выискивая отъезд и недоуменности.

Что сейчас некое ожидание было кавказско-сибирским и парализованным бездельем. Теперь я понимаю, что это некое будущее идеальное где-то в молитвенном или ожидании. Короче сказать будущее замкнуто где-то...

Еще одно важное знание коммюнистичности и убавилось во имя.

Я понимаю, что ближайший путь мой - от коммунизма к пути коммунизма, имеет различные советские черты. Дело не в том, тогда до весны 1905 года в Старокут, что есть "ожидание", "разлука", "болотные", "безделье потерпеть", "обида".

Теперь все это поднимается кассеты на опортит и на мига. Словом и сформировать свое радостное состояние.

Я понимаю о коммюнистичности - это дано.

Я понимаю о своей боли - она есть.

Но и теперь, что я предостерегу и не она для стивидельно будущим радостным жарким своим молитвенным

Вот единственное ленивое стихотворение кавказско-сибирское в этих условиях для ожидания.

Оно написано "Утром в кавказе" Порфирий.

Во времена мысли для коммунизма впрямую много других советов.

Я понимаю теперь эту статью.

Пещера Химфр.

О странном - таинственном! поднейсвещенном! грот.
И надпись скорбную "Атони ет Долори"
Из бунки хаоса чрез огненные море
Во Пещере Времени клеветь водовороты.

Но смертным и богам отверсты разлитный входы.
Слово - тропя одиши, дружиши дорога - зоре.
И на ждоби сиротадей и божественной Амурот
Где тайной драго хранитя вступя медь.

Отытеми Вздохомдей оливою летившей...
Во пещерт влажных Химфр таинственной,
Где летиме кисти рокоуты в тайныкар,
мшетою

Где племь в темноть слыывають сотов грани
Надги в то тикуть на каменьск атанкар
Одежды жертвенной шурпуровою ткани.

Маяшмиланк —

Вн. Рад. нечаянный мост
и т. п. и т. п. и т. п. и т. п.
Дружеско и нечаянный, пр
они освещены од нить,
Еще кидоме нека и не-
одна сторона со широким
на груди и сбривает
нашеги Чуровце сша-
пролам Краковоо сфр-
шны? Он. Б. в. в. в. в. в. в.
от, в. в. в. в. в. в. в. в.
ны ик а в. в. в. в. в. в. в.
кетиши и т. п. с. в. в. в.
Видеши же ты ии?
Ако в. в. в. в. в. в. в.
в. в. в. в. в. в. в. в.
Грехи I см. 943.

Я все смутно предчувствую, все смутно вижу. Мне достаточно намека, одного слова и вокруг него все станет собираться и формироваться.

Анна Рудольфовна, приезжайте в Коктебель теперь же. Вам надо отдохнуть, побыть в одиночестве, в тишине, около моря в горах. Это надо теперь же.

Я не верю, что светильник может угаснуть случайно, от физических причин — Ваш (подч. — *И. Л.*) светильник. Вы не можете уйти, не совершив всего до конца. Для других могут: свет случайности, но не для Вас (подч. — *И. Л.*).

Но и Вы не должны (подч. — *И. Л.*) безрассудно жечь фитиля, потому что он драгоценен.

Если вы приедете в Коктебель теперь, когда никого нет из людей, то это даст Вам глубокое отдохновение и великий запас сил. Коктебель не успокаивает. Он тревожит, требует, но укрепляет и целит. Здесь душа проходит крещение горных трав — ароматных, горьких и суровых. Камни пахнут этими пустынными травами, точно в запахе этих трав — их сознание» [3].

И далее, сообщая Минцловой об истории создания сонета, Волошин так описывал свое душевное состояние в эти дни:

«Эта неделя для меня была днями напряженного беспокойства. Благодаря какой-то почтовой путанице все мои письма, адресованные Аморе, возвращались из Петербурга в Коктебель с надписью: «выехала в Феодосию», а сама она в течение 10 дней молчала, не получая от меня писем. Я телеграфировал Вячеславу, но не получал ответа. Каждый почтовый день я ждал ее писем, а получал собственные. Это ежедневное ожидание было невыносимо и парализовало всякую мысль. Теперь я понял, что нет ничего более губительного для духа человеческого, чем ожидание. Поэтому знание будущего замкнуто для нас...

Еще одно горькое знание воплощения прибавилось во мне.

Я чувствую, что ближайший путь мой — это испытующий меня путь воплощений, мне раньше совсем не ве-

домых. Я ведь не знал тогда, до весны 1905 года в Париже, что есть «ожидание», «разлука», «болезнь», «боязнь потерять», «обида».

Теперь все это подымается на меня и смотрит мне в глаза. Смогу ли я сохранить свое радостное спокойствие...

Я молился о воплощении — оно дано.

Я молился о своей (подч. — *И. Л.*) боли — она есть.

Но я верю, что я преодолею их, и они действительно будут радостными дарами моего человечества» [3].

И далее, сообщая уже непосредственно о сонете:

«Вот единственное стихотворение, написанное в эти смутные дни ожиданий. Оно навеяно «Гротом нимф» Порфирия. В прошлом письме Вы верно получили два моих других сонета.³ Я излюбил теперь эту форму.

Аморя пишет мне в сегодняшнем письме, что Марг<арита> Алекс<еевна> <Сабашникова>⁴ «вне себя от беспокойства» за нее. Вы не знаете почему? Только ли то, что она переехала из Царского в Петербург или есть какие-нибудь слухи и страхи относительно Ивановых? Вы не знаете? Я теперь совсем всеспокоен (подч. — *И. Л.*) (так!)» [3].

Далее Волошин приводит текст первой редакции сонета, а затем следует приписка:

«Ан<нна> Руд<дольфовна>, покажите эти стихи Мих<аилу> Алек<сеевичу> Эртелю⁵ и напишите, что он сказал об них. Вы знаете, как я теперь дорожу его мнением. На днях в сборнике памяти <А.> Урусова⁶ я прочел

---

³ Вероятно, имеются в виду теософские сонеты М. Волошина «Сатурн» и «Солнце».

⁴ Сабашникова М. А. (1860—1933), мать М. Сабашниковой.

⁵ Эртель М. А. — сын писателя А. И. Эртеля, теософ.

⁶ Кн. А. И. Урусов. Его статьи, письма и воспоминания о нем. М., 1907.

несколько страниц О. Б. Гольдовского⁷ об Вашем отце⁸. Прочел их с большим волнением и интересом. Выделили Вы их? Это в издании Александры Алексеевны. Том II стр. 243» [3].

Как следует из указания самого Волошина, сонет был навеян трактатом античного философа-неоплатоника Порфирия «О пещере нимф», написанного в III в. н. э.

Как известно, произведения Гомера комментировались в античное время на протяжении всего существования античной культуры. Философы поздней античности, и, в частности, Порфирий, использовали произведения ранней греческой культуры, однако толковали их в своеобразном мистико-символическом смысле, ища «новый» эзотерический смысл в произведениях классиков.

В «Одиссее» Гомера содержится один весьма примечательный отрывок, описывающий пещеру — святилище нимф — на скалистом острове Итака, родине Одиссея.

Возле оливы — пещера прелестная, полная мрака,
В ней — святилище нимф, наядами их называют.
Много находится в этой пещере амфор и кратеров
Каменных. Пчелы туда запасы свои собирают.
Много и каменных длинных станков, на которых наяды
Ткут одеянья прекрасного цвета морского пурпура.
Вечно журчит там вода ключевая, в пещере два входа.
Людам один только вход, обращенный на Север, доступен.
Вход, обращенный на юг, — для бессмертных богов. И дорогой
Этой люди не ходят, она для богов лишь открыта
[Одиссея. XIII. 102—112]

Именно этот отрывок и послужил исходным материалом для углубленного мистико-символического толкования его неоплатоником Порфирием.

---

⁷ Гольдовский О. Б. Кн. А. И. Урусов, как патрон. — В кн.: Князь А. И. Урусов. Его статьи, письма и воспоминания о нем. Т. 2/3. М., 1907, с. 243—261.

⁸ Минцлов Р. Р. (1845—1904), отец А. Р. Минцловой, библиофил и библиограф.

После краткого изложения стихов Гомера, Порфирий сразу же переходит к освещению символического смысла этого рассказа. Порфирий истолковывает пещеру в недрах земли как Космос. Нимфы-наяды святилища — души, нисходящие в мир становления и соединенные с влагой. Пурпурные ткани, которые ткут на каменных станках нимфы — «сотканная из крови плоть», облекающая каменные кости, и приобщавшие души к телесной материи. В амфорах роятся пчелы и откладывают мед, ибо пчелы, по Порфирию — это благостные души, рождающиеся в мир, а мед — символ очищения и жертвы богам смерти, т. к. души, идя в мир, облекаются плотью, т. е. умирают и расстаются с бессмертием, наслаждаясь преходящей жизнью. Два выхода в пещеру для людей и богов обращены к Борею-Северу и Ноту-Югу. Север — нисхождение душ, приобщенных к человеческой жизни. Юг — восхождение в небесный мир душ, сбросивших телесную оболочку и ставших бессмертными богами.

И в заключение своего трактата, Порфирий прославляет Гомера, спрятавшего, по его мнению, в «мифических вымыслах» реальность «божественных образов» [7, с. 90—110].

В вышеприведенном тексте письма Волошина к Минцловой, в заключении, приводится также и первая редакция сонета «Грот нимф».

Пещера Нимф

О, странник-человек! Познай священный грот
И надпись скорбную «Amor et Dolori»⁹
Из бездны хаоса чрез огненное море
В Пещеры Времени влечет водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь — тропа одним, другим дорога — горе.
И каждый припадет к божественной Амфоре
Где тайной Эроса хранится вещей мед.

Отмечен Вход Людей (подч. — *И. Л.*) оливою ветвистой...

---

⁹ Люби и страдай — *лат.*

В пещере влажных нимф, таинственной и мгlistой
Где вечные ключи рокоcut в тайниках,

Где пчелы в темноте слагают сотов грани
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.

Максимилиан [3].

И здесь мы сразу же обращаем внимание на первые две строки сонета, являющие, по-нашему мнению, ключевыми для понимания идейно-философского своеобразия «Грота нимф».

О, странник-человек! Познай Священный Грот
И надпись скорбную «Amori et Dolori».

М. Волошин. Портрет А. Р. Минцловой, 1905—6 гг., к., гуашь. Дом-музей М. Волошина, Коктебель. Публикуется впервые.

«Аморей» называли Маргариту Сабашникову близкие, в том числе и Волошин. Именно неразделенная любовь к «Аморе» — Маргарите принесла поэту страдание. Однако здесь Волошин поднимается от личной душевной трагедии

к трагедии Вселенской, трагедии вселенского телесного Воплощения.

Идея странничества, паломничества человеческой души в процессе «воплощения» и «перевоплощения», здесь, на этой Земле, является центральной в теософском учении, концепции реинкарнации и кармы, разделяемых Волошиным. Вспомним письмо к Минцловой.

Я молился о воплощении — оно дано.

Я молился о своей боли — она есть.

Вечное становление человеческого «я», согласно теософскому учению, восходившему, к буддистской концепции — «Жизнь есть Страдание», трагично, ибо вечное становление, изменение, трансформация приносят страдание и утомление от изменений. Блуждание существ в колесе сансары, изменение форм их существования создает кармическую основу для страданий в настоящем и порождает страдания в будущих воплощениях. У Волошина мы видим тот же идейный лейтмотив.

Космос, Вселенская Пещера, названная Волошиным Священным Гротом, имеет надпись «Amori et Dolori». Тайна «божественного Эроса» заставляет человеческие души воплощаться, влетая в этот Космос извне из «бездны Хаоса», со стороны Севера, через «вход людей». Для Волошина, как ни парадоксально, этот мистический «вход» стал объективной реальностью, поскольку возвращался он в Коктебель после трагических событий на «Башне» Иванова, именно с Севера, из Петербурга, путем «людей».

Представление об Эросе как о движущей силе творческого преобразования вселенского бытия было присуще Волошину. «Я считаю основой жизни пол-sex. Это живой, осязательный нерв, связывающий нас с вечным источником жизни», — записал Волошин в дневнике еще в 1904 году [1, с. 203]. И именно эта тайна Эроса в ее земном проявлении, приведет Волошина к трагедии земной любви, после известных любовных перипетий на «Башне» Вяч. Иванова.

Итак, несомненно, что трагизм поэтического космоса Максимилиана Волошина, выраженный в сонете «Грот нимф», был отмечен, с одной стороны, представлением о горести «перевоплощения», приносящего страдание силой божественного Эроса, а с другой, — печатью трагических любовных отношений поэта с Маргаритой Сабашниковой, «Аморей», подарившей М. Волошину силой земного эроса, любовь и страдание — «Amori et Dolori».

Литература и источники

1. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники / Сост. З. Давыдов, В. Купченко. — М.: Книга, 1991. — 416 с.
2. Волошин М. А. Стихотворения. 1900—1910 гг. — М.: К-во «Гриф», 1910. — 130 с.
3. РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 74.
4. Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. 1877—1916. — СПб.: Алетейя, 2002. — 512 с.
5. Левичев И. Мистическая муза М. Волошина // Культура народов Причерноморья. № 9. 1999. — Симферополь. — С. 53—57.
6. Левичев И. Трагизм поэтического космоса М. Волошина в сонете «Грот нимф» // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Вторых Герцыковских чтений. — М.: Дом-музей М. Цветаевой, КЦГИ. — 2003. — С. 76—81.
7. Лосев А. История античной эстетики. Последние века. Книга I. — М.: Искусство, 1988. — 416 с.
8. Соловьёв С. Цветы и ладан. 1-я книга стихов. М., 1907. 225 с.